

© А. М. СТОЧИК, С. Н. ЗАТРАВКИН, 1998

УДК 378.661:93(470)

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин

**ОРГАНИЗАЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ УСТАВА 1835 г.**

**Сообщение 2. Введение "Общего Устава Императорских Российских Университетов" 1835 г.
в действие на медицинском факультете Московского университета**

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова
НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН

В сравнении с Уставом Императорского Московского университета (1804 г.) нововведения, запланированные разработчиками и составителями Общего Устава Императорских Российских Университетов (1835 г.) в плане организации и содержания учебного процесса, носили менее радикальный характер, и все же объем предстоявших преобразований был весьма значителен. Профессорам университета вновь предстояла большая и очень непростая работа. К чести руководителей Министерства народного просвещения следует отметить, что они это прекрасно понимали. Уже вскоре после высочайшего утверждения устава министр народного просвещения С. С. Уваров принял негласное решение не форсировать события в течение тех 20 с небольшим дней, что оставались до начала учебного года, а вводить новый устав в действие с 1 января 1836 г. с тем, чтобы иметь возможность спокойно и обстоятельно продумать и согласовать все вопросы, связанные с предстоявшей реорганизацией учебного процесса в университете. "По всей вероятности, — сообщал 3 сентября 1835 г. Совету Московского Университета попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов, — введение нового Устава в полное действие воспримет свое начало с будущего 1836-го года. Но дабы тотчас, по получении о сем предписания высшего начальства, можно было приступить к исполнению оного, я необходимым признаю заблаговременно приготовить и предварительно составить новое распределение и размещение по всем частям на основании сего Устава".

"В таком случае, — говорилось далее в письме попечителя, — долгом поставляю себе покорнейше просить почтеннейших Членов совета императорского Московского Университета, не

теряя времени, заняться рассмотрением сего дела в том разуме, каким образом приступить к исполнению нового Устава, как в отношении преподавателей и преподаваемых предметов, так и в отношении учащихся, сообразно новому распределению кафедр... Я полагаю, что удобнее можно будет приступить к такому соображению, начав оное отдельно в факультетах, которые внесут свои предложения на общее рассмотрение Совета"¹.

И как показали дальнейшие события, развернувшиеся вокруг разработки нового учебного плана для медицинского факультета, тайм-аут Министерством народного просвещения был взят не напрасно. Профессора медицинского факультета приступили к исполнению "покорнейшей просьбы" попечителя без малейшего промедления, но представить свои соображения "как в отношении преподавателей и преподаваемых предметов, так и в отношении учащихся, сообразно новому распределению", смогли лишь спустя без малого 2 месяца — 26 октября 1835 г. И все это время они не сидели сложа руки. Несмотря на имевшиеся у них определенные предварительные наработки, проблема составления нового учебного плана решалась крайне непростое. Достаточно сказать, что в течение сентября—октября 1835 г. проблема распределения указанных в Уставе учебных предметов по кафедрам и по полугодиям 3 раза (12, 21 и 27 сентября)² рассматривалась на заседаниях

¹ЦИАМ, ф. 418, оп. 4, д. 396, л. 1.

²ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 1, л. 5—46.

совета факультета и трижды (9, 12 и 26 октября)³ профессора медицинского факультета выносили ее на обсуждение Совета университета.

У профессора медицинского факультета Московского университета возник целый ряд замечаний и претензий к тексту параграфа 13 устава. Во-первых, они высказали обоснованное сомнение в возможности организации таких кафедр, как "Врачебное веществословие" и "Скотолечение". Профессора полагали, что объем преподавания по каждой из них будет просто непосилен для одного профессора, и предложили разделить каждую из названных кафедр на две (см. таблицу) и ввести на факультете 4 ординарные профессорские должности для преподавателей фармацевтических и ветеринарных наук.

³ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 1, л. 46—66.

Во-вторых, требовалось решить вопрос с организацией самостоятельной кафедры семиотики, включение которой в число кафедр медицинского факультета, как уже неоднократно нами отмечалось, стало результатом ошибки, допущенной в Комитете устройства учебных заведений, готовившем новый университетский устав⁴. Для профессоров медицинского факультета Московского Университета было совершенно очевидно, что семиотика и как научно-практическая, и как учебная дисциплина не имела того уровня развития и не накопила того

⁴Сточик А. М., Затравкин С. Н. Разработка программ обучения на медицинском факультете Московского университета в период работы по подготовке Устава 1835 г. Сообщение 2. Проект Ю. Х. Лодера и его судьба // Пробл. соц. гиг. и история мед. — 1998. — № 4. — С. 48—51.

Проекты распределения учебных дисциплин медицинского факультета по кафедрам

Общий Устав Императорских Российских Университетов	Проект Совета Московского университета 26 октября 1835 г.	Проект Министерства народного просвещения 10 октября 1835 г.	Итоговый проект Совета Московского университета
1. Анатомия: а) Анатомия человеческого тела с присовокуплением Специальной Физиологии и важнейших статей из Сравнительной Анатомии б) Анатомия Патологическая в) рассечение трупов	1. Анатомия: а) Анатомия человеческого тела с присовокуплением Специальной Физиологии и важнейших частей из Сравнительной Анатомии б) Анатомия Патологическая в) рассечение трупов	1. Анатомия здорового и больного человека с предварительным изложением Общей Анатомии	1. Анатомия здорового и больного человеческого тела
2. Физиология: а) Физиология Общая б) Общая Патология	2. Физиология вообще и Общая Патология и Семиотика	2. Физиология и Общая Патология	2. Физиология и Общая Патология
3. Врачебное веществословие: а) Общая терапия б) Врачебное веществословие, токсикология и изъяснение Минеральных вод в) Фармация г) Рецептатура и д) Диететика или Гигиена	3. Врачебное веществословие, Общая Терапия и Диететика или Гигиена 4. Фармация, Рецептатура, Токсикология и изъяснение Минеральных вод	Общая Терапия, Врачебное веществословие (Фармакология или Материя медика) со включением учения о Минеральных водах; Рецептатура, Фармация	3. Фармация, Рецептатура, Токсикология и изложение Минеральных вод (в смысле химическом) 4. Общая Терапия, Гигиена, врачебное веществословие и изложение Минеральных вод (в смысле врачебном)
4. Клиника: а) Частная Патология и Терапия б) Клиника в больнице	5. Частная Патология и Терапия	6. Частная Патология и Терапия	5. Частная Патология и Терапия
5. Семиотика		7. Клиника внутренних болезней (Терапевтическая), учение о душевных болезнях, Патологическая Семиотика	6. Клиника внутренних Болезней (Терапевтическая), учение о душевных болезнях, Патологическая Семиотика
6. Хирургия умозрительная	6. Хирургия умозрительная	4. Общая и Частная Хирургия	7. Общая и Частная Хирургия с наукою о переломах и вывихах
7. Хирургия Операционная, глазных болезней и Хирургическая Клиника	7. Хирургия Операционная и глазных болезней	5. Хирургия мануальная (оперативная со включением окулистики и Хирургической Анатомии, Клиника наружных болезней (Хирургическая)	8. Хирургия Оперативная с Клинической и Анатомия Хирургическая 9. Окулистика с Клиникою Глазных болезней и Десмургия
8. Повивальное искусство: а) повивальное искусство б) о женских и детских болезнях в) способы прививания оспы г) помощь родильницам и лечение их и новорожденных	8. Повивальное искусство: а) повивальное искусство б) о женских и детских болезнях, способы прививания оспы; помощь роженицам и лечение их и новорожденных	8. Акушерство, Акушерская клиника, Учение о женских и детских болезнях	10. Акушерство, женские и детские болезни
9. Судебная медицина: а) Судебная медицина, Медицинская Полиция, способ лечить смертные обмороки, утопших и пр. б) История и Литература Медицины в) Энциклопедия и Методология	9. Судебная медицина: а) Судебная медицина, Медицинская Полиция и способы лечить смертельные обмороки б) История и Литература Медицины, Энциклопедия и Методология	9. Гигиена; Медицинская Полиция, Токсикология, Судебная Медицина, История и Литература Медицины	11. Судебная медицина, Медицинская Полиция; История и Литература Медицины, Энциклопедия и Методология
10. Скотолечение	10. Скотолечение	12. Ветеринарная наука	12. Ветеринарная наука
	11. Ветеринарная Анатомия, Физиология и рассечение трупов животных Клиника в Институтах: Терапевтическом, Хирургическом и Повивальном. Клиническая практика в больнице		

объема фактических данных, которые бы позволили выделить ее не просто в отдельный предмет, а в самостоятельный ординарный профессорский курс. В связи с этим они единодушно высказались против создания отдельной кафедры семиотики, но тут же возник вопрос о том, профессору какой кафедры передать преподавание этой дисциплины, исключать которую из учебного плана, конечно же, никто не собирался. Выход из положения они нашли не лучший, заявив, что семиотика "собственно есть одна из генеральных частей Патологии", профессора постановили "преподавание ее присоединить к Общей Патологии"⁵. Не лучший потому, что принятое ими решение неминуемо должно было привести к установлению сугубо теоретического характера изложения курса семиотики.

Однако нельзя исключить, что профессора оказались вынужденными пойти на такой шаг. Нам представляется маловероятным, что, зная о порядке преподавания семиотики в Петербургской и Московской медико-хирургических академиях, где этот курс читался профессором терапевтической клиники, они посчитали более эффективным и целесообразным преподавать семиотику не у постелей больных, а сугубо теоретически. По всей видимости, профессора медицинского факультета Московского университета отказались от пути, избранного их академическими коллегами, потому что он предусматривал разделение единого курса частной патологии, терапии и клиники на две самостоятельные кафедры (один профессор не смог бы вести занятия сразу по трем предметам преподавания: семиотике, терапевтической клинике, частной патологии и терапии). А читать сугубо теоретически в отрыве от больных систематический курс болезней, составлявший предмет изучения и преподавания частной патологии и терапии, было с их точки зрения, по-видимому, еще большим злом, нежели теоретическое изложение курса семиотики. Еще в 1832 г. профессора Московского университета во всеулышание заявляли, что "не следует отделять Терапевтическую Клинику от Профессора Частной Терапии", поскольку, во-первых, "профессора оных могут быть различны в образе суждений и понятий, и тем могут приводить в недоумение слушателей касательно описания лечения, между тем, как клиника должна быть практической проверкою теоретического преподавания"⁶, а во-вторых, потому что преподавание систематического курса болезней должно обязательно сопровождаться демонстрацией больных, о которых говорилось на лекциях.

Точно так же профессора медицинского факультета Московского университета высказались и в отношении замысла о разделении единой кафедры хирургии на кафедру хирургической клиники и кафедру "Умозрительной хирургии", в рамках которой в отрыве от больных планировалось читать систематический курс частной патологии и терапии наружных болезней⁷. Иными словами, в невольной полемике, возникшей между Ю. Х. Лодером и И. Ф. Бушем в ходе подготовки Устава 1835 г., профессора Московского университета полностью заняли позицию Лодера, идеи которого были им значительно ближе⁸.

Из сказанного, правда, не следует делать вывод, что обсуждая в сентябре — октябре 1835 г. вопросы формирования новой учебной программы для медицинского факультета, профессора руководствовались исключительно идеями Лодера, о которых, кстати говоря, учитывая особенности характера Лодера и его особый статус в Московском университете, они вполне могли и не знать. У профессоров медицинского факультета Московского университета были и свои, причем весьма смелые и неординарные, замыслы. В частности, они выступили с предложением не просто увеличить до 2 лет продолжительность обучения студентов в клинике у постелей больных, что в принципе напрашивалось само собой в связи с добавлением дополнительного пятого года обучения на факультете, а впервые в истории высшего медицинского образования в России поставили вопрос о разделении этого 2-летнего курса клинической подготовки на 2 последовательных этапа. Первый и уже фактически существовавший, согласно замыслу профессоров, должен был обеспечить студентам возможность изучать в курсе частной патологии и терапии все существовавшие болезни, познакомиться в клинических институтах с клинической картиной, особенностями течения и подходами к терапии наиболее распространенных из них; освоить навыки опроса и осмотра пациентов, "привыкнуть к обращению с больными вся-

кого возраста", "приучиться замечать припадки болезней, писать истории оных, ходить за больными, перевязывать раны и производить так называемую малую хирургию... то есть: пускать кровь жильную, пиявочную, ложешную; делать заволоки, скарификации, прижигания, прикладывать... пластыри, гиппанских мух и другие, ставить катетер, делать спринцевания и т. п."⁹. Задача второго этапа клинической подготовки заключалась в предоставлении студентам условий для самостоятельной работы с больными, возможности применять на практике под контролем профессора и его помощников приобретенные ими знания и навыки. "Совет Университета признает полезным и даже необходимым, — говорилось в письме попечителю от 26 октября 1835 г., — кроме находящихся при Университете Клинических Институтов, учредить в которой либо из Московских Городских больниц или госпиталей практическую медико-хирургическую клинику, где молодые люди, уже получившие изложенный в предыдущем пункте навык в наблюдениях и обращении с больными, могли бы не только смотреть как действуют их учителя, но и сами действовали бы под надзором опытных врачей, и таким образом прежде поступления на службу достигали бы достаточной степени совершенства в медицинской и хирургической практике... В надежде, что такое предложение Совета будет уважено, — отмечалось далее в документе, — расположить и предметы учения так чтобы в продолжение целого пятого года учения как можно менее заняты были учащиеся лекциями, дабы все свободное от Университетских лекций время... находиться на таковой Клинической практике в больнице"¹⁰.

Оценивая предложения профессоров медицинского факультета Московского университета, необходимо признать, что без малого 2 мес. были потрачены не зря. Однако этих 2 мес. оказалось достаточно не только для того, чтобы профессор смог полностью продумать, согласовать и сформулировать свою позицию в отношении порядка введения нового устава в действие, но и для того, чтобы руководители Министерства народного просвещения смогли опомниться и осознать совершенную ими ошибку. Они, хотя и с опозданием, но все-таки поняли, что нельзя поручать университетам самим составлять учебные планы, поскольку шансы на то, что подготовленные в четырех российских университетах планы даже по основным вопросам окажутся идентичными, практически равнялись нулю. А в таком случае автоматически ставилась под удар идеология единого общероссийского университетского устава, становилось невозможным исполнение параграфа 94 Устава 1835 г., которым, в частности, определялось, что "Студент, начавший лекции в одном из Русских Университетов, может окончить оныя в другом, с зачетом времени (времени, а не прослушанных учебных дисциплин. — *Авт.*) пребывания в первом в число лет, определенных для окончания полного курса..."¹¹.

В Министерстве народного просвещения опомнились уже в середине октября 1835 г. и 18-го числа С. С. Уваров направил С. Г. Строганову готовый министерский проект "распределения кафедр и расписания учебных предметов по полугодиям"¹². Иными словами, еще до того, как на заседании Совета 26 октября 1835 г. профессора Московского университета составили свое итоговое мнение, у попечителя уже имелся готовый ответ на обсуждавшийся вопрос.

Предложенный С. С. Уваровым вариант распределения учебных предметов медицинского факультета по кафедрам представлен в таблице и, как несложно заметить, мало чем отличался от аналогичного распределения в тексте параграфа 13 Устава. По существу Уваров внес лишь одну принципиальную поправку, которая заключалась в том, что он в отличие от своего предшественника точно и аккуратно перенес все замечания Буша в лодеровский проект, предписав разделить единый курс частной патологии, терапии и клиники, и организовать две самостоятельные кафедры: а) "Частной Патологии и Терапии"; б) "Терапевтической клиники и Патологической Семиотики". Что же касается подготовленного Уваровым, и, видимо, не без участия профессоров Петербургской медико-хирургической академии распределения учебных предметов медицинского факультета по полугодиям, то здесь первоначальный проект Лодера претерпел несколько более значительные изменения¹³.

⁹ЦИАМ, ф. 418, оп. 4, д. 396, л. 27.

¹⁰ЦИАМ, ф. 418, оп. 4, д. 396, л. 27—28.

¹¹Общий Устав Императорских Российских Университетов // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1875. — Т. 2. — Ч. 1.

¹²ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 1, л. 7.

¹³ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 1, л. 10—11 об.

⁵ЦИАМ, ф. 418, оп. 4, д. 396, л. 25.

⁶Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 404, ед. хр. 21, л. 42 об. — 43.

⁷Там же, л. 42 об.

⁸Сточик А. М., Затравкин С. Н. Цит. соч. — С. 51.

Во-вторых, Уваров считал целесообразным объединить секционные занятия по нормальной анатомии, выделенные Лодером в самостоятельный курс, отнесенный на последний год обучения с преподаванием основного систематического курса нормальной анатомии. Во-первых, им было предложено читать полный курс нормальной анатомии не 1 год с последующим его повторением на 2-м курсе, а в течение всех 4 семестров, отведенных на его преподавание. В-третьих, согласно его замыслу, обучение студентов в клинике у постелей больных должно было начинаться не на 4-м, а уже на 3-м году обучения при освоении самостоятельного адъюнктского курса "Патологической Семиотики". В-четвертых, Уваров перенес преподавание патологической анатомии с 3-го на последний 5-й курс и тем самым фактически подчеркнул особое значение этой науки для клинической подготовки будущего врача, придал ей статус не только одной из фундаментальных, но и одной из собственно практических медицинских дисциплин.

Проект распределения учебных дисциплин медицинского факультета по кафедрам и полугодиям, разработанный в Министерстве народного просвещения и направленный Уваровым 18 октября 1835 г. в Московский университет, представлял собой готовый сценарий введения Устава 1835 г. Но Строганов не стал немедленно информировать Совет о пришедших из Петербурга документах. Он решил выдержать паузу и исполнить предписание министра об их передаче Совету "для принятия в основания распоряжений по Медицинскому факультету при предполагаемом введении в действие Устава и Штата..."¹⁴ только 8 ноября, т. е. 2 нед позже того, как Совет составил собственные "распределения".

Принятое Строгановым решение оказалось не только смелым, но и, как показали дальнейшие события, более чем дальновидным. В первой половине XIX столетия Московскому Университету откровенно везло на талантливых, сильных и перспективно мыслящих организаторов. Строганов отлично понял, что в середине 30-х годов профессора медицинского факультета уже не нуждались в подсказках и по ходу работы над составлением нового учебного плана увидел, что у них имелись свои соображения и замыслы. Немедленная же передача Совету министерских распоряжений могла, как сказал бы Ф. Р. Бородулин, уничтожить "тот высокий взлет ищущей новых путей научной мысли" и заставить профессоров просто принять их, что называется, к исполнению. И расчет Строганова полностью оправдался. Когда 8 ноября профессора медицинского факультета познакомились с предложениями и рекомендациями Уварова, которые по целому ряду вопросов, мягко говоря, не совпадали со взглядами Совета, дальнейшая работа над составлением учебного плана медицинского факультета стала заключаться не в послушном исполнении воли начальства, а в поиске разумного компромиссного варианта.

На подготовку нового распределения учебных дисциплин факультета по кафедрам и полугодиям ушло еще около месяца. Совет медицинского факультета собирался трижды (11, 14 и 18 ноября)¹⁵ и компромисс в конечном итоге был найден. Министр настаивал на выделении преподавания "умозрительной хирургии" и частной патологии и терапии внутренних болезней в отдельные кафедры, и профессора признали, что одному преподавателю (как хирургу, так и интернисту) будет непросто читать систематический курс болезней и параллельно вести клинические разборы и практические занятия со студентами у постелей больных. Но для московских профессоров сохранение единых кафедр хирургии и частной патологии, терапии и клиники не было самоцелью. Главным для них являлось установление теоретико-практического характера преподавания курсов частной патологии и терапии наружных (хирургия) и внутренних болезней с обязательными клиническими демонстрациями студентам лекционного материала. Поэтому, согласившись на создание самостоятельных кафедр "умозрительной хирургии" и "частной патологии и терапии" внутренних болезней, они одновременно поставили вопрос о необходимости введения процедуры тематического подбора больных в университетские клиники. В этом случае, хотя преподавание курсов частной патологии и терапии становилось сугубо теоретическим, у студентов сохранялась возможность познакомиться с болезнями, о которых рассказывалось в лекциях, на практике у постели больного. "Неоценимая была бы польза для студентов, — говорилось, в частности, в особом мнении А. А. Иовского, дополнявшем проект Совета медицинского факультета и расширявшем ряд его положений, — ежели бы уже существующие при Университете клиники содержали таких больных, о болезнях которых идет речь в определенное время у Профессо-

ра Терапии и Хирургии. Больных таковых легко могут доставить разные московские больницы и Госпитали по сношению с ними Г. Г. Профессоров через содействие начальства. Таковые клиники были бы настоящими школами теоретического и практического учения о лечении болезней"¹⁶.

Проект Уварова не оставлял профессорам шансов на организацию дополнительной "медико-хирургической клиники", но и по этому принципиальному вопросу профессора смогли предложить компромиссный вариант, сохранив свою идею установления этапности клинической подготовки студентов медицинского факультета. "Внимание студента, упражняемого и теоретически и практически целью четвертый год в лечении больных, на пятый год, не скудное уже, в полном смысле наукою, совершенствуется наблюдением в других больницах, — говорилось далее в особом мнении Иовского. Итак, в пятый год студенты, изучившие уже медицину и теоретически, и практически, могут и должны посещать утром и вечером другие городские больницы, а в продолжении дня заниматься слушанием остальных медицинских лекций"¹⁷.

Более того, от необходимости учесть и по возможности включить в учебный план медицинского факультета рекомендации министерства предложенная профессорами Московского университета идея установления этапности клинической подготовки не только не пострадала, но, напротив, получила дальнейшее развитие. После того как профессора нашли вариант решения проблемы сохранения наглядности преподавания систематического курса внутренних болезней в условиях выделения частной патологии и терапии в отдельную кафедру, они, что вполне естественно, полностью поддержали инициативу Уварова по организации кафедры "Терапевтической Клиники и Патологической Семиотики" и введению преподавания последней у постелей больных на 3-м году обучения. В результате в подготовленном в ноябре 1835 г. новым проекте учебного плана медицинского факультета четко прослеживаются уже не два, а четыре последовательных этапа клинической подготовки. Первый заключался в освоении студентами 3-го года обучения навыков диагностики и методов обследования больных в ходе изучения курса "Патологической Семиотики". Второй состоял в изучении систематических курсов частной патологии и терапии внутренних и наружных болезней и был призван познакомить студентов с этиологией, патогенезом, клинической картиной, лечением и прогнозом болезней в соответствии с существовавшей номенклатурой нозологических форм. В ходе третьего этапа клинической подготовки студенты 4-го года обучения под руководством профессора в клинических институтах должны были "упражняться в распознавании наиболее распространенных болезней", наблюдать у постелей больных за ходом их течения и действием назначенных лекарств, учиться писать истории болезни, привывать и нарабатывать опыт общения с больными. Особо следует подчеркнуть, что, хотя второй и третий этапы предназначались для студентов одного и того же года обучения, по замыслу профессоров, это должны были быть 2 последовательных этапа клинической подготовки, поскольку в клинических институтах со студентами должны были разбираться только те больные, с болезнями которых они уже познакомились на лекциях в курсах частной патологии и терапии, для чего и было предложено ввести процедуру тематического подбора больных в клиники. И наконец, четвертый этап предназначался для студентов 5-го года обучения и должен был создать им условия для приобретения опыта самостоятельной работы с больными под наблюдением "опытных врачей".

Однако, забегая несколько вперед, мы, к сожалению, вынуждены констатировать, что, хотя Уваров и утвердил учебный план, подготовленный профессорами Московского университета в ноябре 1835 г., Министерство народного просвещения не сделало ничего ни для организации тематического подбора больных, ни для обеспечения студентам 5-го курса возможности проходить практическое обучение в городских больницах. Идею московских профессоров о введении этапности клинической подготовки студентов медицинского факультета удалось воплотить в жизнь только после 1845 г., когда было принято новое "Дополнительное постановление о медицинском факультете Императорского Московского университета".

Но вернемся к учебному плану, составленному профессорами в ноябре 1835 г. Также до определенной степени компромиссным являлся и предложенный профессорами вариант решения проблемы разделения кафедр "Врачебного вестествословия" и "Скотолечения" в условиях, когда министр не видел в этом необходимости. Совет медицинского факультета предло-

¹⁴ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 1, л. 7 об.

¹⁵ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 1, л. 45—62.

¹⁶ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 1, л. 61 об.

¹⁷ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 1, л. 62.

жил разделить на две самостоятельные кафедры только кафедру "Врачебного веществословия", а в отношении порядка преподавания ветеринарных наук принял точку зрения министра.

Строганов предоставил профессорах медицинского факультета Московского университета возможность творить, и они не обманули надежд своего попечителя. Разработанный профессорами в ноябре учебный план был лучше того, что они предлагали в октябре, и существенно совершеннее "распределения учебных предметов медицинского факультета по кафедрам и по полугодиям", присланного из министерства. Строганов позволил себе вмешаться в решение только одного вопроса, касавшегося организации и содержания учебного процесса на медицинском факультете. И он не мог этого не сделать, поскольку по должности был обязан обеспечить проведение в жизнь основных направлений государственной политики в области народного образования, одним из которых применительно к деятельности медицинских факультетов являлось повышение уровня и качества хирургической подготовки выпускников российских университетов. Обратившись через ректора Московского университета 8 ноября 1835 г. с письмом к совету медицинского факультета, Строганов прямо отметил, что "преподавание хирургии... по своей важности должно быть гораздо пространнее... почему Медицинский Факультет сделал бы постановление преподавания сего предмета, разделив на три кафедры"¹⁸. Сказать, что профессора сильно воспротивились полученному указанию, нельзя, но и особого восторга попечительское предложение у них не вызвало. Если судить по протоколам заседаний совета факультета, то главной своей целью в ходе решения поставленной задачи профессора считали, увеличив "число преподавателей", не нарушить сложившиеся внутренние логические связи между отдельными дисциплинами, составлявшими прежде единый курс хирургии. В ходе возникшего обсуждения был высказан целый ряд различных предположений, но в конечном итоге профессора остановились на том варианте распределения дисциплин хирургического профиля, который приведен в таблице.

20 ноября 1835 г. итоговый проект учебного плана, составленный профессорами медицинского факультета, вместе с дополнявшими его особыми мнениями был отправлен в Петербург. Уварову сильно не понравилось своеволие Строганова и Совета Московского университета, и в своем ответе он даже не стал этого скрывать. Но Строганов был не только прекрасным организатором, но и тонким политиком. Он заранее предусмотрел возможное недовольство со стороны министра и нашел способ прodemонстрировать Уварову компромиссный характер присланных документов. Строганов послал в министерство не только итоговое мнение Совета медицинского факультета от 20 ноября 1835 г., но и предыдущий октябрьский проект профессоров, дав тем самым Уварову понять, что его предложения от 18 октября 1835 г. были тщательно проработаны, но в интересах дела в них пришлось внести некоторые поправки. И, судя по всему, Уваров все прекрасно понял и, скрепя сердце, все-таки утвердил проект московских профессоров. "В Медицинском Факультете полагается, согласно с Вашим проектом 12 кафедр вместо 10, прежде назначенных в одобренном мною проекте распределения Медицинских кафедр, сообщенном Вашему Сиятельству от 18-го октября сего года, — говорилось в ответном письме министра от 31 декабря 1835 г. Такое изменение допущено ныне потому только уважению, что расписание кафедр составлено на один год: опыт покажет, которое разделение выгодно для науки"¹⁹.

Тогда же, 31 декабря 1835 г., Уваров согласился и с предложением Строганова вводить устав в действие в полном объеме с начала следующего 1836/37 учебного года и утвердил новый состав профессоров медицинского факультета Московского университета "согласно новому распределению кафедр". Он утвердил почти всех, о ком ходатайствовал попечитель и кого избрал Совет университета. Исключение составил лишь профессор И. Е. Дядьковский, ставший в 1831 г. преемником М. Я. Мудрова по кафедре частной патологии, терапии и клиники и избранный в 1835 г. Советом Московского университета на должность ординарного профессора вновь создаваемой отдельной кафедры частной патологии и терапии. Приказом Уварова от 1 января 1836 г. был уволен из Московского университета, а профессором частной патологии и терапии Уваров распорядился назначить экстраординарного профессора Казанского университета Г. И. Сокольского²⁰.

Отставка Дядьковского стала первым прецедентом подобного рода в истории медицинского факультета Московского университета и уже хотя бы поэтому заслуживает внимания. В отечественной историко-медицинской литературе в отношении причин происшедшего содержатся крайне противоречивые данные. Согласно версии, получившей распространение в публикациях, вышедших в свет до 1917 г., Дядьковский был отправлен в отставку в связи с резким ухудшением состояния его здоровья²¹. Советскими историками была предложена иная, "политическая", версия случившегося. В 1833 г. "под влиянием увиденного и пережитого... во время холерной эпидемии", — писал А. Г. Лушников, — Дядьковский на очередном Торжественном акте Московского университета выступил с "высшей степенью критической" речью²², ставший "в сущности вызовом официальной дворянско-крепостнической России". "Эту речь Дядьковского, — отмечал далее А. Г. Лушников, — передовая русская интеллигенция приняла как большое событие в общественной жизни того времени. Вскоре после произнесения речи, в декабре 1835 г., Дядьковского обвинили в атеизме и материализме и уволили из университета и академии"²³.

Однако ни ту, ни другую версию нельзя считать вполне обоснованной, поскольку ни в одной из работ, где нам удалось встретить упоминание и хотя бы краткое обсуждение причин увольнения Дядьковского, не приводится и не анализируется официально объявленная причина отставки, которая состояла в следующем: "По кафедре Частной Патологии и Терапии, — писал 31 декабря 1835 г. Уваров Строганову, — Ваше Сиятельство полагает утвердить Ординарного Профессора Дядьковского, между тем, получив лекции его, я передавал оные на рассмотрение Президенту Медико-Хирургической Академии; мнение о них сего последнего, которое я сообщу Вам в свое время, столь невыгодно, что я признаю удобнейшим ныне же заменить Дядьковского другим Преподавателем"²⁴. Иными словами, увольняя Дядьковского, Уваров заявил о его профессиональной непригодности в качестве университетского преподавателя, а это, согласитесь, не имеет ничего общего ни с политическими соображениями, ни тем более с проблемой состояния здоровья. И все же процитированный отрывок из письма Уварова лишь на первый взгляд лишает обе приведенные выше литературные версии права на существование. В Петербургских архивах нам удалось обнаружить документы, позволяющие прямо обвинить Уварова в преднамеренной подтасовке фактов.

Уваров действительно обращался к президенту Петербургской медико-хирургической академии Я. В. Виллие с просьбой посмотреть "записки лекций Г. Дядьковского" и дать заключение "о добротности оных". Но Уваров с самого начала действовал не беспристрастно. Во-первых, если он на самом деле хотел провести независимую экспертизу лекций Дядьковского, он просто не имел права заранее сообщать Виллие свою, причем весьма негативную, оценку. Начав свое письмо словами: "В бытность мою в прошедшем году в Москве, обратил я внимание на неудовлетворительное проведение Лекций в Московском университете Ординарного Профессора Дядьковского"²⁵. Уваров открыто намекал Виллие на то, какую рецензию он хотел бы получить. Во-вторых, он послал Виллие не "лекции Г. Дядьковского", которые, кстати говоря, мог без труда запросить через попечителя Московского университета, если не хотел направлять на рецензию изданные произведения профессора, а плохой студенческий конспект его лекций. При этом известно, что отношение студентов к Дядьковскому было далеко не однозначное. Одни, такие, например, как И. Т. Глебов, восторгались тем, что и как он читал²⁶; другим его лекции, на которых Дядьковский постоянно творил, не особенно заботясь о дидактичности изложения, были непривычны и непонятны.

²¹См. например, Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Т. 1. — С. 322.

²²Имеется в виду *Oratio de instante nostris temporibus maxima necessitate unicuique eruditorum, praesertim autem divitum medicinam ediscendi*. — М., 1833. Русский перевод этой речи, произнесенной И. Е. Дядьковским в июле 1833 г., опубликован в кн.: Дядьковский И. Е. Избранные сочинения. — М., 1958. — С. 77—81.

²³Лушников А. Г. Иустин Евдокимович Дядьковский // Дядьковский И. Е. Избранные сочинения. — М., 1958. — С. 11—12.

²⁴ЦИАМ, ф. 418, оп. 5, д. 1, л. 3.

²⁵РГИА, ф. 735, оп. 1, д. 631, л. 1—1 об.

¹⁸ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 1, л. 46 об.

¹⁹ЦИАМ, ф. 418, оп. 5, д. 1, л. 4 об.

²⁰ЦИАМ, ф. 418, оп. 5, д. 1, л. 3.

В Московском университете были и студенты, открыто ненавидевшие Дядьковского. Так, в 1835 г.²⁷ студент Ф. Благодеров даже написал на него жалобу попечителю. Причиной же этой жалобы стала принципиальность Дядьковского, посчитавшего, что студент, мало посещавший клинические занятия, не может и не должен иметь право на практику и не допустившего его к лекарственному экзамену. К какой из названных категорий относился студент Преображенский, чей конспект был послан Виллие²⁸, неизвестно.

Но дальше — больше. Виллие, получив письмо Уварова, не стал лично лицензировать студенческий конспект, а направил его на заключение специалистам — профессорам Спасскому и Чаруковскому. Спасский от прямого ответа по существу вопроса уклонился, заявив, что "по всему видно, что эти записки составлены на скорую руку и ошибочно Студентом" и что, "если на этом отрывке должно основать суждение о достоинстве целой рукописи, то оно не может быть выгодно"²⁹. Чаруковский рецензию дал, но в заключении также отметил, что не знает, кого он собственно рецензировал — профессора или то, как не понял его студент³⁰.

Виллие, получивший в отличие от Спасского и Чаруковского "намек" от Уварова, оказался в сложном положении. Но он умел решать подобного рода проблемы и в своем ответе 29 декабря 1835 г., с одной стороны, пересказал смысл нелестного отзыва, полученного от Чаруковского, а с другой — отметил, что "впрочем нельзя оставить без внимания и того, что записки эти составлены Студентом наскоро, сокращенно, нечетко, ошибочно и что они суть только небольшой отрывок обширного предмета, какова Частная Терапия. Потому, что бы оценить вполне и беспристрастно лекции Профессора Дядьковского, надобно бы рассмотреть собственные его записки"³¹.

Уваров не добился от Виллие и петербургских профессоров того, чего хотел, и первым его желанием было честно сообщить о ходе и результатах рецензирования профессорам и руководителям Московского университета. Он даже подготовил 30 декабря письмо, в котором почти дословно пересказал текст письма, полученного им от Виллие, и предложил Строганову и Совету университета самим принимать решение в отношении кандидатуры профессора частной патологии и терапии³². И вот здесь Уваров, по-видимому, испугался. Он испугался того, что Дядьковский вновь может выступить с речью, подобной той, что была им произнесена в 1833 г., что он может вновь во всеуслышание начать рассуждать о причинах нетления святых мощей и вновь объяснит это "чудо" не особенностями мощей, а спецификой грунта, в который они были захоронены. Вначале он вычеркнул из текста своего письма тот абзац, в котором говорилось, что по студенческому конспекту нельзя дать объективного заключения о качестве профессорских лекций³³. Но страх не отступал. Он представил, что Совет Московского университета может вновь избрать Дядьковского, а Строганов утвердить его кандидатуру, и не стал посылать своего письма от 30 декабря 1835 г. вообще. Вместо этого на следующий день он лично уволил Дядьковского и прислал в университет цитированное нами выше письмо, в котором туманно пообещал "в свое время" переслать и подлинник заключения Виллие.

²⁶Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. — Т. 1. — С. 319—321.

²⁷ОПИ ГИМ, ф. 404, ед. хр. 61, л. 85—86 об.

²⁸РГИА, ф. 735, оп. 1, д. 631, л. 14.

²⁹РГИА, ф. 735, оп. 1, д. 631, л. 3.

³⁰РГИА, ф. 735, оп. 1, д. 631, л. 4—11 об.

³¹РГИА, ф. 735, оп. 1, д. 631, л. 2 об.

³²РГИА, ф. 735, оп. 1, д. 631, л. 13.

³³РГИА, ф. 735, оп. 1, д. 631, л. 12 об.

Конечно, каждый человек имеет право на слабость и на ошибку. Не будем лишать этого права и, безусловно, неординарного организатора, каким по праву может считаться Уваров. Но его слабость стоила Дядьковскому не только кафедр в Московском университете и Московской медико-хирургической академии, но и жизни. Формулировка, с которой Уваров уволил его из университета и академии, означала для него немедленную гражданскую смерть как преподавателя высшей школы и ученого. Дядьковский не смог пережить этого удара. У него еще оставалась возможность заниматься частной практикой, и он несколько раз пробовал посвятить себя этому делу, но удар был слишком силен. Вскоре после увольнения Дядьковский тяжело заболел, и через 6 лет его не стало.

Увольнение Дядьковского, безусловно, не стало украшением той большой работы, которая была проделана в ходе подготовки, утверждения и введения нового университетского устава. И все же, с нашей точки зрения, этот факт не следует ставить во главу угла при оценке Устава 1835 г. и той роли, которую сыграл этот документ в истории медицинского факультета Московского университета. И хотя Ф. Р. Бородулин писал, что "Устав 1835 г. и вся система все более усиливавшегося николаевского режима, особенно после... оставления Дядьковского и Лебедева "за штатом" в 1836 г., сделали свое дело: с середины 30-х до середины 50-х годов в деятельности факультета, за единичными исключениями, не ощущался тот высокий взлет ищущей новых путей научной мысли"³⁴, нам представляется, что опыты А. М. Филомафитского по переливанию крови, деятельность Наркозного комитета, фундаментальные разработки Г. И. Сокольского по изучению "грудных болезней" и получивший мировое признание атлас А. И. Овера вряд ли можно назвать "единичными исключениями" из правила.

С принятием и введением с 1836/37 учебного года нового университетского Устава профессора не только не утратили тех возможностей, которыми они располагали в плане научно-педагогической деятельности, но, напротив, медицинский факультет Московского университета получил мощный импульс для дальнейшего развития.

С 1836 г. начала действовать новая процедура зачисления студентов в университет, и профессорам по существу впервые была предоставлена возможность не тратить драгоценного времени на прохождение с учащимися высшего учебного заведения школьной программы, а сконцентрировать все свои усилия на обеспечении необходимого уровня специальной подготовки. Практическая реализация предусматривавшихся Уставом 1835 г. и существовавших дополненных профессорами Московского университета нововведений привела к возникновению на медицинском факультете первой в его истории единой учебной программы, при которой преподавание каждой из учебных дисциплин было ориентировано исключительно на достижение главной цели, стоявшей перед факультетом, — на подготовку врача с правом на самостоятельную практику. А увеличение продолжительности обучения студентов на медицинском факультете до 5 лет, организация 12 самостоятельных кафедр, установление существенно более строгой и совершенной последовательности преподавания учебных дисциплин в сочетании с расширением объема и внедрением элементов этапности клинического преподавания позволили значительно повысить уровень и качество выпускаемых Московским университетом врачей. С введением же в действие новых "Правил испытания медицинских... чиновников" медицинский факультет Московского университета ко всему вышеперечисленному получил еще и государственное признание в качестве полноценного и полноправного высшего медицинского учебного заведения.

Поступила 15.04.98

³⁴Бородулин Ф. Р. 200 лет I МОЛМИ им. И. М. Сеченова // Очерки по истории I МОЛМИ им. И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 20.